

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№9

28 ИЮНЯ 2017

ПОЛЕ ЧУДЕС

Театр кукол «Пилигрим», г. Тольятти
Олег Богаев «Марьино поле»

Сказка для взрослых... Или взрослая сказка... Или сказка, старая как мир... легенда о русской Мане, которая всё ждёт русского Ваню. Притча о женщине, похожая на древнегреческий миф, открывающий первопричину женского характера всего дальнейшего поколения. Национальный характер, менталитет складывается из циклических привычек, закольцованных поступков определённого круга людей, неизбежных и единственно возможных. Как восход и закат солнца, как смена времён года, как круговорот воды в природе, как рождение и смерть. Или как упорство и верность женские, как вера, надежда и любовь их пресловутые и неутомимые. Так и в Богаевской «сказке» три неутомимые героини в путь дорогу отправляются искать своего суженого – «три посоха чугуновых изотрут, три хлеба каменных изглодают». Ну, чем не сказка? А где же сказку логичнее всего ставить, как не в кукольном театре? Только сказка-то эта для взрослых будет, потому как определённый исторический период захватывает, ненормативную лексику в себе содержит и даже обнажённое куклино тело показывает.

Эту красивую, горькую и пронзительную историю решил воплотить у себя на сцене тольяттинский театр кукол. Первый раз обратились к взрослому зрителю. Вместе два режиссёра, два вида театра, два образа мысли: главный режиссёр драматического театра им. Глеба Дроздова Владимир Хрущёв и главный режиссёр театра кукол «Пилигрим» Янина Дрейлих. Живой план соединили с кукольной игрой. И предстали перед зрителем не три героини, а все шесть. Три актрисы в чёрных маскировочных костюмах держат кукол-старушек. Потом вдруг прячут их в чёрный подол – и перед нами вдовы в трауре – а куклы, как души их, из-под него выглядывают одним глазком. А глаза-то у них до чего живые, настоящие, и морщины не поддельные. Смотрит кукла в зал – и слёзы

наворачиваются от вселенского одиночества... искусство Веры Кривцовой (Марьи), Натальи Савиной (Серафимы) и Светланы Бабиковой (Прасковьи) заставляет хохотать над точностью реакций куклы, над каждым поворотом головы, видеть лукавый взгляд, обиду или возмущение на лице куклы с неподвижной мимикой. Даже плевков легко слетает с её губ – в нашем воображении. А уж поплакать заставляют актрисы в «живом плане».

Кукольный театр – это иллюзион. Тут можно творить чудеса, которыми как раз и пестрит пьеса Богаева. С помощью одного только света режиссёры, вместе с художником-постановщиком Еленой Бабкиной, являют чудеса с самого начала. В тёмной глубине сцены полусфера, откос с тремя деревенскими домиками. Свет в них зажётся, оживила картина с «висячим островом», будто Земля наша матушка из космоса видна стала. Только странная какая... неужто учёные-то ошибались всё-таки? Не круглая она, а плоская, и кажется, что на шести слонах и одной черепахе стоит. Да бабульки-то, героини, в чемоданах живут, как улиточки, домики свои похватили и вперёд поползли. Ой, корову-то забыли, без неё никак. Что это за шар розовеет? А, это ж вымя! Ну, правильно, что для голодного корова? – Вымя. Полусфера повернулась к нам основанием – вот тебе и лунная ночь настала. И волки тут как тут, воют, глазами сверкают.

Продолжение на с. 2

Начало на с. 1

Два фонарика на шапке у того хвостатого, который всю нечисть из пьесы воплотил, все смертные грехи на себя взял, даже самой Смертью обернулся... Владимир Смирнов все эти образы играет незатейливо, просто и бытово: открытым приёмом достаёт из кармана хвост, поворачивает землю, надевает маску Сталина, шапочку с ушками белки... Режиссура выглядит его дьявольской, небрежно воплощаемой, игрой. Маленький такой кукольный мир – под надзором у великана (нечистого, оказывается). Он не суетится, не напрягается, чтобы провести путниц. Снова иллюзион, тот самый, «примитивный» (мой любимый) из парка аттракционов, где идёшь ты по мостику, а вокруг тебя изображение крутится, голова кружится, и за бортики хватаешься. Тут также «покатали» – то по реке плыли на тазу, а вокруг блики дрожали, то вдруг небо звездопадом настоящим разразилось... А на его фоне три женщины сидят, три судьбы перед нашими глазами рисуют, передавая эстафетную палочку кукле и принимая её обратно.

Кукла, ожившая в руках актрисы, продолжает жить в её собственных уголках глаз и губ, гореть светом её сердца. Никого не испугались героини. Вот и смерть уж маячит, уставшая такая – всё тот же Владимир, теперь в чёрном костюме кукольника, ящик открывает, залезай, говорит. Но не кукла ему отвечает – живая женщина, живет всех живых, хоть и сто лет ей: «Вернётся, мне надо». И, как в сказке, Смерть: «Ладно, последний раз даю тебе сто лет, иди». И за закатом снова рассвет настаёт. И земля крутится. И свет в окнах горит. И детский смех слышится. И так будет всегда.

Ирина Плесняева

ЯНИНА ДРЕЙЛИХ О СПЕКТАКЛЕ

В репертуаре Вашего театра только детские постановки. «Марьино поле» – это первый спектакль для взрослых. Как вы решились поставить что-то кардинально другое?

Это был для нас очень ответственный шаг. Нам хотелось привлечь новых зрителей, расширить аудиторию. Выбирали из нескольких пьес и остановились на «Марьином поле» Богаева. Нас даже изначально привлекла не сама пьеса, а образы героинь. Нам как раз нужна была пьеса на трёх конкретных актрис. И, конечно, в целом материал понравился, здесь есть над чем работать режиссёру, пьеса ведь такая фантазмагоричная, как нам показалось. «Марьино поле» – обо всём: тут и тема родины, и тема любви, верности, надежды.

И, несмотря на то, что у нас театр кукол, в этом спектакле актрисы выходят на первый план. Кукла не может выдержать определённый градус эмоции, а актриса, живой человек, может.

Легко создавался спектакль?

Над спектаклем работали два режиссёра: я и Володя Хрущёв. В основу спектакля в большей степени легла его концепция. Поскольку я кукольник, а он режиссёр драмы – конфликт неизбежен. У каждого своё видение, свои инструменты. Было немало споров: у него свой, мужской, взгляд на прочтение пьесы, у меня свой – женский. Мне очень хотелось, чтобы постановка была для массового просмотра, чтобы мы могли показать её любому зрителю. Поэтому я настояла, чтобы, скажем так, противоречивые моменты, жёсткие (как в сцене, например, со Сталиным), были сокращены. Мы волновались, как Олег Богаев отнесётся к тому, что мы убрали какие-то сцены. Надеюсь, что с пониманием. В процессе, так или иначе, исходный материал трансформируется во что-то своё.

Есть ли у Вас на примете современные пьесы, по которым бы хотели ставить?

Честно говоря, до этой пьесы я вообще не интересовалась современной драматургией. Но теперь знаю точно, что мы не будем останавливаться. У нас пока только одна, но весомая, проблема. Нашему зрителю не привычны подобного рода спектакли. Не всегда собираются полные залы, потому что название незнакомое, это не «Колобок». (Смеётся.)

Как впечатления от реакции сегодняшних зрителей?

Мне кажется, что сегодня очень внимательно смотрели. Надеюсь, что мы чем-то удивили. Сегодня зрители живо реагировали, смеялись – тоже хороший показатель.

Вы первый раз на «Коляда-Plays». Какие ваши первые впечатления?

Спасибо фестивалю, спасибо Николаю Владимировичу, что пригласил нас. Мы были очень удивлены, что нас позвали. Когда послали заявку, особо не надеялись на положительный результат. А нам почти сразу ответили, и так от этого было приятно. Мы в шоке, в хорошем шоке от всего происходящего. Такая прекрасная атмосфера в самом «Коляда-Театре», такой он уютный. Вчера как зашли, так уходить не хотели. «Коляда-Plays» – это настоящий праздник.

Беседовала Лидия Корзун

КАК ОТКРЫЛИ ТРОЮ

Центр драматургии и режиссуры Республики Башкортостан, г. Уфа
 Ангиза Ишбулдина, Марат Мухлисов, Анна Ерошина, Зухра Буракаева
 «Песнь о Трое. Здесь и сейчас» (по мотивам «Илиады» Гомера)

Вдали от бурной жизни на Ленина, 97, в театре «Щелкунчик» – портал в Древнюю Грецию. Спектаклем начинаешь проникаться уже в фойе: куратор от фестиваля даёт зрителям камуфляжные повязки на руку, музыканты играют на национальных инструментах что-то эпическое, увлекающее в глубокую древность, которая развернётся перед глазами всего на час. На входе в зал программки, перевязанные бечёвкой; предлагают настойчиво, потому что знают – без глоссария из программки не разберёшься в происходящем, если не представляешь, что там было, 3000 лет назад.

Хотя древность соотносится со «здесь и сейчас»: драматурги и режиссёры, объединившиеся под руководством Искандера Сакаева и Владимира Жеребцова, проводят параллели с современностью, показывают, как тогда люди задавались, в сущности, теми же вопросами, что и мы. По-другому и быть не может, ведь люди коренным образом не меняются, а драматургия всегда отзывается о современности, неважно, каков сюжет, время и место действия.

Постановка разбивается на 12 частей, 12 отрывков из всем известной истории: Гера, Афина и Афродита спорят, кто из них красивее; Парис, сын троянского царя, указывает на Афродиту, и она наделяет его способностью очаровать любую женщину. Юноша, не будь дурак, соблазняет и увозит в Трою Елену – самую прекрасную женщину на земле и вообще дочь Зевса. Муж Елены негодует и разворачивает десятилетнюю войну, в которой умирает куча людей, а Одиссей придумывает знаменитый «ход конём», благодаря которому греки вырезают Трою подчистую.

Самой войны так и не покажут, зато (что ценнее) мы увидим историю глазами разных участников: кто-то не хочет воевать, а кто-то наоборот, кто-то боится, а кто-то нет... и даже боги боятся состариться и умереть. Всё, как в современности, даже язык во фрагментах максимально приближен к нашему, а все нестыковки – издержки разницы эпох.

Кстати, об эпохе: несмотря на засевающую в голове картинку из учебников истории, (где люди либо в белых простынях-хитонах, либо в лёгких доспехах) все актёры в камуфляже, порезанном, порванном, перевязанным сверху белыми тряпичками – всё же о войне речь, а не о празднествах. Однако в сочетании с небрежным «милитари», часто идут то тяжёлые армейские ботинки, то босые ступни – в первом случае, это добавляет сцене суровости, во втором – лёгкости.

Лёгкость добавляется и за счёт пластического рисунка постановки, такого «пластического минимализма». С одной стороны, он создает ощущение, что пришёл посмотреть этюды в театральной студии, с другой – напоминает то направление европейского театра, представители которого занимаются именно такими экспериментальными постановками, а не современными текстами. Также к европейской традиции отсылает билингвизм, давно уже не шокирующий «тамошнего» зрителя. Наши пока ещё, внезапно услышав кусок «не-по-русски», растерянно оглядываются в поисках субтитров или любого другого перевода... Но всё, конечно, становится понятно, даже если не просто фраза промелькнула, а целый эпизод так прошёл. Хороший опыт для нашего театра, тем более, что такие кусочки звучат даже более аутентично, практически, «местный древнегреческий». Эффект усиливает сценография и, разумеется, мастерство актёров.

Все эти фишки соединяются в один спектакль так лихо, что не сразу вспоминаешь, что в его создании принимали участие четыре разных режиссёра. Неизбежные стилевые отличия даже нужны для зарисовок из жизни абсолютно разных людей: воинов, простолюдинов, богов и виновников трагедии. Работают актёры тоже по-разному... Всё это смешивается во вполне однородную кашу. Как говорится, «смешались в кучу кони, люди»: так оно и было всего пару тысячелетий назад, и история повторилась потом ещё не раз.

Об этой цикличности говорит Кассандра в своём монологе, занимающем центральное место в спектакле. Он даже не столько переключается с современностью, сколько, как красная нить, нанизывает бусины происшедших событий, происходящих, и тех, которым только предстоит произойти... Почти неподвижная, с безумными тёмными глазами, Кассандра будто пророчит не самое светлое будущее – нам, а не рассказывает о событиях дней минувших. Всё повторится: и война развяжется из-за человеческих слабостей и глупостей, и жертвы её падут на полях, и снова кто-то победит, оставляя позади себя выжженную равнину. Начинаешь прокручивать в голове текущую ситуацию, думать: где нынче пророк, гонимый и принимаемый за сумасшедшего? Авось, стоит прислушаться...

Получилась и ретроспектива, и переосмысление прошлого, и разговор о настоящем на языке, приближенном к современному. Где-то это получилось ярко, где-то не очень, но ситуация точно «доходит» лучше, чем в переводах Гомера. Спасибо за смелый эксперимент, нетипичный для фестиваля, но всё равно важный и нужный. Ведь без исследования нет и развития.

Татьяна Черкасова

АНГИЗА ИШБУЛДИНА **В поисках темы**

Как ты узнала, что в Екатеринбурге учат «на драматургов», и почему возникло желание учиться?

Мне давно хотелось написать пьесу, ещё когда училась на актёрском отделении в Уфе. На первом курсе мы придумывали этюды, и этот процесс мне нравился больше, чем участие в них. Курс я закончила, и уже тогда знала, что есть Николай Владимирович и его школа. Просто я долго не могла набраться смелости, что ли... Спектакль «Песнь о Трое» – результат первой лаборатории современной драматургии и режиссуры, там я попробовала свои силы в первый раз. На один из семинаров к нам приезжал Павел Руднев, и он так рассказывал про курс Николая Коляды! Говорил, что только здесь выпускают самых лучших драматургов. Тогда я решилась, тем же летом поехала в Екатеринбург и поступила. А сейчас вот второй курс закончила.

Национальность, культура республики – влияет на выбор темы?

Конечно, у нас другой менталитет. Наверное, это, в какой-то мере, связано с религией, башкиры же мусульмане. Например, я участвовала в спектакле по пьесе Екатерины Гузёмы «Голливуд в соседней комнате», когда мы первый раз играли его в Уфе, так зрители не знали, как и реагировать... А приехали сюда – такой хороший приём! Здесь уже давно к такому привыкли.

На какого зрителя ты ориентируешься: на своих, или, хотелось бы – на весь мир?

Ну, конечно, у меня есть амбиции, хотелось бы – на мир. Но сейчас, пока я ещё учусь, проще писать на своих. Я живу в небольшой республике и пытаюсь пользоваться всеми возможностями, которые появляются. Например, попросили написать инсценировку по повести «Не оставляй, мама»... Мне она сначала вообще не понравилась, но я сразу бросила себе вызов: это моя первая серьёзная возможность проявить мастерство, поработать с одним из главных театров республики – должна справиться. Большой и хороший опыт получила.

А какой у вас Центр современной драматургии и режиссуры?

Он отличается от вашего ЦСД, хотя тоже занимается развитием молодых режиссёров и местной драматургии. Но драматургов у нас – очень мало. В основном, это взрослые люди, а молодых – раз, два... и всё. Режиссёрам молодым «прохода» не дают в профессиональных театрах. Поэтому Центр рассчитан на то, чтобы молодые развивались, чтобы у них была платформа для работы, для творчества. Мы приглашаем ма-

стеров из Москвы, из Екатеринбурга проводить мастер-классы, семинары, лаборатории... «Песнь о Трое» – задумка Искандера Сакаева, режиссёра Александринского театра. Нам предложили написать материал, сделать показ. Отобрали четверых режиссёров и столько же драматургов...

... которым сказали: берите кусочек «Илиады» Гомера и пишите его по-своему?

Нет, условие было написать диалог, или монолог. Основа – Троянская война. Сначала было сложно вообще понять, чего же от нас хотят, пришлось перечитать «Илиаду», конечно... Потом нас пригласили посмотреть репетиции... и у меня родился монолог Троянского коня. От нас ждали, чтобы мы «свежим взглядом» увидели и оценили те времена. Что это были не только герои, смелые воины и большие корабли... Нужно было написать про таких же людей, как мы, чтобы это было близко и понятно – сейчас. Разные войны всё время в мире происходят, к сожалению.

На какие темы тебе хочется писать?

Ну, так же не бывает: а давай-ка я на такую-то тему возьму и напишу пьесу. Мне кажется, наоборот происходит: написана пьеса, а потом уже определилась тема. По крайней мере, у меня – так. Мне, вот, очень хочется написать такую, прямо – драму! Чтобы всех, прямо, за душу брало! А у меня почему-то смешно получается, когда я что-то серьёзное пытаюсь написать... Темы меня самые разные интересуют! Вот, сейчас у меня в Уфе есть проект: занимаюсь с детьми, рассказываю им об основах драматургии, и за две-три недели мы пишем маленькие пьесы. В сентябре у нас будет показ их творчества, с профессиональными режиссёрами и актёрами. Мне очень нравится общаться с детьми! Мы были другие, а сейчас дети будто существа с другой планеты... И мне теперь очень хотелось бы написать какую-нибудь пьесу для подростков. Именно не «про», а «для» них, чтобы им интересно было. Вот, сейчас я над этим и думаю.

Беседовала Вера Цвиткис

ОНА БЫЛА ВЛЮБЛЕНА В УДАРНИКА

Черемховский драматический театр имени В. П. Гуркина
Ярослава Пулинович «Наташина мечта»

В постановке черемховского театра задействованы одиннадцать артистов. Моноспектакля здесь вы не увидите, но нельзя сказать, что этим режиссёр Екатерина Куликова упростила себе же, как исполнительнице главной роли, задачу. Наташа всё равно, по сути, оказывается один на один с залом, перед которым разыгрывает свой эмоциональный монолог.

На сцене Наташа и ещё четыре девушки: её подруги, другие детдомовские. Одна из них пацанка, как и Наташа, – её подруга Светка (Снежана Кашина); другая – глуповатая задавака Ира Горбуненко (Анна Берлова); третья – гламурная стерва, Она (Вероника Наумова); четвёртая – мрачноватая готическая девушка, а в какой-то момент Тётя Аня (Полина Ширяева). Но все они по-своему Наташи (так и представляются они в самом начале): в своём желании любить, отдавать тепло и чувствовать заботу. На сцене пять героинь с опытом несчастной любви, но из них только одна готова об этом опыте рассказать.

За спинами девушек расположился небольшой ансамбль – клавишные, ударные, бас, аккордеон, и музыка становится главным выразительным средством в этом спектакле. Двое музыкантов также превращаются в персонажей из жизни главной героини. Это Яна Кощеева (Воспитка) и Алексей Рычков (Валера). Они показали себя прекрасно в обеих ипостасях, а приём с перевоплощением добавил глубины их образам. Когда Воспитка садится за клавиши и поёт вместе с девушками про «небо Лондона» и «снова стою одна», становится понятно, что и у неё внутри живёт чистая, полная романтических надежд девчонка, которой тоже не хватало любви (а может, и сейчас ничего не изменилось). И когда предмет одержимости Наташи Валера после короткого разговора с девушкой возвращается к своей барабанной установке, мы видим, как же он на самом деле далёк от главной героини. Он наблюдает за всеми метаниями Наташи, но не вмешивается, не помогает, не останавливает девушку...

Оформлена постановка минималистично. На сцене только пять металлических кроватей с панцирной сеткой, расставленные вертикально и в шахматном порядке. Наташа и её «двойники» смотрят сквозь сетку – они отгорожены от нас этим забором, заперты в клетку своего положения, а может быть, это намёк на возможность их реального попадания «за решётку» за покушение на жизнь человека. В этом мире металлических ограждений и проходит жизнь героинь. Чувство

свободы даёт только музыка. Она звучит постоянно и сопровождает Наташу везде: в детдомовской комнате, в умывалке, куда бегают «курякать», в парке, в редакции «Черемховского рабочего»... И пусть песни «Руки вверх», МакСим, Алсу и даже Ваенги и Земфиры кажутся устаревшими для молодой девушки, то, с каким чувством их исполняют и «проживают» героини, добавляет им не только актуальности, но и смысла. Наташа трепетно подпевает глуповатым строчкам: «Только ты не будь пока солнцем, слышишь, я буду петь тебе песни с крыши, я буду снова той, кем ты дышишь...» – также безотчётно, как влюбляется в Валеру. И зрительницы, чей подростковый период сопровождал именно такой саундтрек, вместе с главной героиней возвращаются во времена своей первой безответной влюблённости.

В исполнении Екатерины Куликовой Наташа получилась очень светлой натурой. Да, несмотря на её детдомовские замашки, на её грубый язык и пацанские повадки, Наташа мечтает и любит. Всегда уверенной в себе детдомовке вдруг хочется помочь, когда та в присутствии Валеры вдруг становится робкой. А когда героиня буквально звереет при виде своего возлюбленного с другой девушкой, то от её метаний по клетке становится не по себе даже зрителям на последних рядах.

Развязка наступает стремительно. Пауза. Из рук девушек падают на пол бусины – «А заколочка косоглазская у меня в камере сломалась... Только бусинки остались. Вот...» Мечта сломалась, с треском рассыпалась. «Далеко, далеко ускакала в поле молодая лошадь», – поёт Наташа. Может быть, это начало сумасшествия от катастрофического недостатка любви? А, может быть, начало новой мечты.

Ольга Кураева

Екатерина Куликова:

– У нас «спектакль-дискуссия» и возрастное ограничение 14+. К нам приходят старшеклассники и студенты первых курсов и после поклона артисты общаются со зрителями. Просто однажды нас один педагог спросил: «А вы не думаете, что после вашей постановки дети выйдут на улицу и также будут всех убивать, насиловать, курить и пить?». Теперь мы вместе с преподавателями и подростками обсуждаем спектакль. Бывает даже до ругани доходит, так разделяются мнения взрослых и детей. Школьники нас защищают: «Вы ничего не понимаете! Это действительно мы в спектакле показаны». Преподаватели же говорят, что в жизни и так грязи много, а у нас в постановке, кроме прочего, ещё и матерятся. На что я отвечаю, что у нашей Наташи по сравнению с нынешними детьми никакого мата нет. Ещё все ненавидят Валеру за то, как он себя повёл. Но в итоге, мы приходим к мнению, что Наташин поступок – не выход. Она не знает, как выразить свою любовь, её никто этому не научил.

LIFE IN DA TRASH!

Центр современной драматургии, г. Екатеринбург
Ирина Васьковская «Галатhea Собакина»

Треш-комедия – так обозначен жанр спектакля «Галатhea Собакина» по пьесе Ирины Васьковской. Режиссура Антона Бутакова узнаваема с первых минут, когда на сцене появляется прототип Big Russian Boss, опознать которого могут лишь те, кто сидит в «интернетах». Да и в целом, спектакли Бутакова рассчитаны на тех, кто смотрит ютуб, залипает во множестве пабликов, постит фотки в инстаграме. Зрители более взрослого возраста не знают что такое «скр-скр», скандируемое популярным нынче рэпером Pharaon, не узнают взорвавший ютуб танец в стиле vog под Little Big. Это такие «пасхалки» для молодых. Да и хорошо, всё-таки, что режиссёр сам очень молод, и делает то, что ему знакомо, и что «качает» лично его.

Пьеса Васьковской, в условиях сегодняшней России, звучит как нельзя более актуально. «Замут» в том, что существуют просветители, которые отлавливают гопников (выцепляют их по одному) и с помощью величайших произведений искусства делают их культурными: отучают материться, слушать плохую музыку, приобщают к святому. Между двумя такими просветителями Витей (Илья Белов) и Аркашей (Константин Итунин) постоянное соревнование в том, кто больше гопников отловит. Аркаша постоянно обгоняет, ибо он не боится и Бродского применить, и «вломить» ранним Пастернаком, и добить Тарковским. Сами просветители, для конспирации, пытаются выдать себя за гопту, собрав все стереотипы о них: саундтрек из «Бумера», костюмы в три полоски, корты... получается смешно и неправдоподобно. Аркаша переигрывает в гопника, Витя недоигрывает. А культура всё равно прёт наружу. Гопников они за людей не считают. Витя же мечтает быть таким Пигмалионом и создать свою Галатею, которую научит Асадова любить. Такая подопытная у него уже есть (Варвара Брылина), но что-то не получается её окультурить. А вот недавно пойманный Саня в ходе процедуры просвещения превратился в... красивую девушку. Ну, побочный эффект такой. Его-то и принял за свою Галатею Витя.

По факту эти «культурные прыщи» в спектакле выглядят хуже гопников. Один одержим своей идеей, другой бредит повышением. А в финальной сцене они вообще похожи на каких-то

селебрити в пижонских одеждах. И понимаешь, что вся эта культура для них – лишь карьерная лестница. Нет там человечности. Она не делает их лучше, хотя должна бы (ведь культура для этого и существует). Но для героев она – лишь работа.

Образ Сани (Евгений Чистяков) получается более объёмным за счет линии с его матерью (Татьяна Савина). Видя эту женщину, которой нет дела до сына, которая водит домой мужиков, понимаешь, почему Саша вырос таким. Получив красоту, он осознает, что с её помощью можно получить многое. Людей, которые готовы давать за красоту деньги, хватает. Культура ушла в тираж и продалась. Стала коммерцией.

Самым искренним персонажем в спектакле стал Вася – лучший друг Сани, в исполнении Рината Ташимова. Наверное, каждый мечтает о том, чтобы его девушка была, как парень, как лучший друг... только с женскими половыми признаками. Таким для Васи и становится Саня. Вася – «маленький человек», сантехник, с нелюбимой женой и ребёнком. В конце он становится объектом для селфи, как редкий экземпляр – влюблённый гопник, особый вид. Видимо, человеку и его чувствам нет места там, где то просветители, то попы пытаются что-то «высокое» ему навязать. Любовь вне этого. Она выше.

Что особенно хорошо в спектакле «Галатhea Собакина» – так это соответствие режиссуры и драматургии. Работа Антона Бутакова не спорит с текстом Васьковской, как это иногда бывает в практике режиссёра. Здесь всё уместно. Правда, есть некоторые «провисы», например, так называемый stand up Вити. У некоторых зрителей, могут остаться вопросы: а зачем нужно было слизывать торт с торса Рината Ташимова, или к чему откровенный танец «девушек-официанток»... Но сам жанр спектакля это объясняет, да и стилистика режиссера предполагает наличие подобных сцен лишь ради того, чтобы они были. Потому что – ярко и красиво. Больше ничего.

Важно, что пьеса «Галатhea Собакина» поставлена именно сейчас, а даже не пару лет назад, когда была написана. Желание определенных общественных групп прогнуть всех под себя сейчас достигло наивысшей точки. А чувства – вне системы. Как ими управлять? Никто не знает. Значит, надо – посадить, назвать отклонением от нормы, изолировать. Но только эти чувства и могут нас всех спасти от истерии вокруг. От окружающего треша.

Екатерина Гузёма

Выпуск подготовили:

Елена Гецевич,
Вера Цвиткис

Прямые трансляции спектаклей фестиваля осуществляет компания «MMVS Мультимедиа Видеосистемы» по адресу <http://videoticket.ru/events/kolyadaplays2017/>

